

Посвящается
моей матери
(ноябрь 1950 — март 2018)
и
Рэймонду Рэнделу
(январь 1933 — июнь 2017)

Примечание автора

Несмотря на то, что в этой истории рассказывается об исторических событиях, она представляет собой художественный вымысел. Имена, персонажи, организации, события, даты и происшествия не претендуют на достоверность или вовсе являются плодом моего воображения.

Глава 1

ОСЕНЬ, 1980 ОТЕЛЬ «МИР», ШАНХАЙ

Мне шестьдесят лет, я предприниматель, филантроп и много пережившая женщина. Я тщательно продумала свой наряд для сегодняшней встречи. На мне черный кашемировый кардиган, желтая с вышивкой блузка, черные брюки и обувь, пошитая на заказ. Я всем сердцем надеюсь, что выгляжу утонченно и скромно, как и подобает беспечному миллиардеру.

Я разворачиваю свое инвалидное кресло и продвигаюсь от одного восьмиугольного стола к другому. Прошло много времени с тех пор, как я была здесь в последний раз, и отель, кажется, приветствует меня, как старинного друга. Стены, отделанные панелями из каштанового дерева, черно-белые гравюры и золотая люстра, свисающая с потолка, как сверкающее птичье гнездо. Здесь, конечно же, больше не слышны ни знакомые джазовые мелодии, ни гневные крики, ни его уверенный голос. Как никак, прошло уже сорок лет. Наше прошлое — мой свет, мои слезы — ускользнуло от меня навсегда и его уже не вернуть. Но я надеюсь, что сегодняшний день все изменит, и я, наконец, обрету покой.

Я решила подарить этот отель — эту культовую достопримечательность, построенную британцем, находившуюся под контролем нескольких правительств, а теперь являющуюся моей собственностью — американскому документалисту, с которым сегодня встречаюсь. Я попрошу ее только об одном: снять доку-

Висна Дэй Рэндел

ментальный фильм. Это необычная сделка, совершенно для меня невыгодная, но мне все равно. Документалист перелетела океан, чтобы увидеть меня, и я с нетерпением жду нашей встречи.

Я останавливаю свое инвалидное кресло у черного столика возле коринфских колонн. Мне не стоило бы нервничать, но сердце неистово колотится. Неужели я забыла принять лекарство сегодня утром? Не могу вспомнить, и, кажется, не могу сдвинуться с места, захваченная потоком воспоминаний.

Глава 2

ЯНВАРЬ 1940
АЙИ

Мне было двадцать лет, прошло примерно два года после падения Шанхая и четыре месяца после начала войны в Европе, когда я столкнулась с проблемой. В моем ночном клубе, бизнесе стоимостью в миллион долларов, заканчивались запасы алкоголя из-за дефицита военного времени. Мои визиты на пивоварни и в торговые компании не увенчались успехом, и посетители стали замечать, что их вино разбавляют водой. В отчаянии я отправилась к последнему человеку, к которому обратилась бы за помощью, своему конкуренту по бизнесу, британскому бизнесмену, сэру Виктору Сассуну.

Он жил в своем же отеле, расположенном в самом сердце международного Поселения возле реки Хуанпу. Недалеко от здания я попросила своего шофера остановить мой коричневый седан «нэш», чтобы остаток пути пройти пешком. Обернув лицо шарфом и опустив голову, я поспешила мимо скрипящих рикш и грохочущих автомобилей, молясь о том, чтобы меня никто не узнал.

День близился к концу, надвигалась сильная гроза, небо выглядело хмурым, а солнце пряталось за облаками, как серебряная монета. В прохладном воздухе витал аромат духов, сигаретного дыма и китайских жареных пельменей со скакового ипподрома в нескольких кварталах отсюда. Добравшись до одного из входов в отель, я увидела, как дальше по улице джип сбил велосипеди-

ста — местного шанхайца, насколько я могла судить — который схватившись за ногу, кричал от боли, его лицо было в крови. Из джипа выпрыгнул японский солдат в форме цвета хаки. Усмехаясь, он подошел к бедному велосипедисту, вытащил пистолет и выстрелил ему в голову.

Громкий выстрел резанул по ушам и пронзил мое сердце, но я ничего не могла сделать, кроме как отвести взгляд. Мы потерпели поражение в войне с японцами и потеряли город. Теперь, к сожалению, все мы, китайцы в Шанхае, были похожи на загнанную в темное болото рыбу. И чтобы избежать смертельного крючка и продолжать жить, у нас не было другого выбора, кроме как оставаться незаметными под водой.

Ускорив шаг, я поднялась на лестничную площадку у главного входа в отель и вошла внутрь через вращающиеся двери. Порыв теплого воздуха встретил меня в вестибюле. Выдохнув, я развязала шарф и окинула взглядом дорогие персидские ковры, сверкающий мраморный пол, роскошные бордовые кожаные диваны в стиле «Честерфилд» и букеты свежих роз и гвоздик, расставленные в высоких темно-синих вазах. Я обожала этот отель. До войны я часто баловала себя, бронируя «Якобинский» номер, один из вычурных люксов отеля с уникальным французским декором.

Я не видела Сассуна, но на диване сидел светловолосый мужчина, одетый в серый фланелевый костюм, похожий был у моего жениха, и хмуро смотрел на меня. Рядом с ним трое мужчин в синей униформе Четвертого американского полка морской пехоты. Они, должно быть, услышали выстрел, перестали курить свои сигареты и тоже повернулись ко мне. Они выглядели раздраженными, словно я была незваным гостем, который только что ворвался в их столовую.

Я задумалась, считали ли они, что я имею какое-то отношение к стрельбе снаружи, но, скорее всего, они испытывали недовольство, потому что я была единственным китайским гостем в вестибюле. Мне нужно было быть осторожной. Все знали, что китайцы и иностранцы были подобны соли и сахару, которые нельзя смешивать, поскольку иностранцы, жившие в международном Посе-

Последняя роза Шанхая

лении, считали местных жителей досадной помехой, а мы сторонились их как врагов. Эти мужчины в вестибюле меня не знали, но люди в Шанхае, включая Сассуна, были высокого обо мне мнения.

И я пришла в своем как обычно элегантном наряде: шпитем на заказ красном платье с разрезом до бедра и роскошном черном норковом пальто с воротником-смокингом. Из украшений на мне были золотые серьги в форме листочков, золотое ожерелье и дорогая сумочка. В Шанхае было не так много девушек, подобных мне — молодых, стильных, богатых, осмелюсь сказать, красивых и хватких благодаря многолетнему опыту управления ночным клубом. Я знала, как обращаться с самыми разными людьми.

Я не виляла бедрами, как кокетка, не опускала глаза, как служанка, не улыбалась, как девушка по вызову. Вместо этого, подняла свободную руку, вежливо кивнула им, как деловая женщина, кося являлась, и произнесла на безупречном американском английском:

— Добрый вечер, джентльмены. Как дела?

Ответа не последовало. Меня это вполне устраивало. Пройдя мимо них, я пересекла вестибюль, отмахиваясь от коридорных в бежевой униформе, которые предлагали свою помощь. Сассун, живущий в пентхаусе на одиннадцатом этаже, велел встретиться с ним внизу, но сам еще не спустился. Я была только рада, поскольку мысли о его пресловутом увлечении фотографией и его просьбе все еще крутились у меня в голове. К тому же, мне необходимо было улучшить момент, чтобы попросить об одолжении и не выглядеть при этом униженной.

Я направилась к креслу возле лифта, откуда, пошатываясь, вышли двое белых мужчин с бутылками пива «Пабст» в руках. Их потные лица и остекленевшие глаза говорили о том, что они были пьяны. Тот, что с бритой головой уставился на меня. До меня донеслось бормотание на английском:

— Собаки и китайцы не допускаются в этот отель.

Случись это в моем клубе, я приказала бы выпроводить этого человека вон. Я бросила на него презрительный взгляд, переложила сумочку в левую руку и двинулась в сторону «Джаз-бара»

в конце вестибюля. Не успела я сделать и пары шагов, как в воздухе промелькнула бутылка и ударила меня по голове. В ушах раздался взрыв оглушительного хохота, я почувствовала головокружение, но видела, что в освещенном вестибюле ничего не изменилось, и никто не обратил внимание на произошедшее. Ни блондин во фланелевом костюме, скрывший лицо за журналом, ни американские морские пехотинцы, исчезнувшие в «Джаз-баре», и уж тем более ни старик с толстой шеей, который хлопал в ладоши, как будто смотрел развлекательное шоу.

Мне в любом случае не понадобилась бы их помощь. Сохраняя хладнокровие, я положила одну руку на талию, а другой ощупала свой пульсирующий лоб. Когда я почувствовала на пальцах что-то вязкое, меня охватила паника — моя внешность значила для меня все.

— Вы ударили меня! Я вызову полицию.

— Валяй. Они заберут тебя в тюрьму. — Мужчина, который запустил в меня бутылкой, хохотнул, а затем они начали скандировать:

— Тюрьма, тюрьма, тюрьма.

Я ненавидела, когда меня запугивали, но все в Шанхае знали, что полицейские-сикхи в международном Поселении были предвзяты, и мы, местные жители, проигравшие войну, не могли рассчитывать на них, ожидая какой-либо справедливости. Черт с ним, с Сассуном. Я просто хотела выбраться отсюда. Я развернулась, но мои высокие каблуки каким-то образом скользнули по груде осколков, и я с глухим стуком упала на пол. Это было унижительно.

— Позвольте вам помочь, — произнес мужчина рядом со мной и протянул руку. Это была уродливая рука с искривленными костяшками и скрюченным, как вопросительный знак, мизинцем, паутина неровных шрамов и извивающихся рубцов покрывала тыльную сторону. Но я была признательна за помощь и позволила ему поднять меня на ноги. Я также испытала радость, так как этот человек, казалось, умел читать мои мысли — он отвел меня подальше от осколков, прочь от сердито огрызавшихся мерзавцев и поспешно вывел через вращающиеся двери на улицу.

Холодный ветер ударил мне в лицо на лестничной площадке. Испытывая шок и одновременно облегчение, я плотнее запахнула пальто на груди. На меня никогда раньше не нападали, и теперь я была в долгу перед человеком с изуродованной рукой. Я посмотрела на него.

Он был молодым, высоким и жилистым мужчиной, одетым в черное двубортное пальто с загнутыми лацканами, ни золотых часов, ни цепочки — обычно я не имела дел с таким типом людей. Черты его лица были резкими: полные губы, волевой подбородок и выступающий нос, который, казалось, заявлял всему миру, что у него есть цель в жизни. Но я все равно поблагодарила бы его, если бы не его глаза — поразительного голубого оттенка. Очередной белый мужчина.

— Вот они! Они напали на нас. Арестуйте их! — Двое подонков вышли через вращающуюся дверь, словно дурное предзнаменование. Их сопровождал огромный полицейский-сикх в чурбане.

Сколько же у них было наглости. Я откинула челку, чтобы показать полицейскому свой кровотокающий лоб, и произнесла по-английски своим непринужденным деловым тоном:

— Посмотрите, что они со мной сделали, сэр. Они лгут. Но давайте забудем об этом, хорошо? Нет нужды никого арестовывать.

Этот сикх, здоровенный мужчина, положил руку на револьвер «Уэбли» в кобуре.

— Мисс, я пытаюсь выполнять свою работу.

Типичный полицейский Поселения. Потому что для любого непредвзятого полицейского было бы понятно, что такая женщина, как я, скорее всего, жертва.

— Она говорит правду, сэр, — вмешался голубоглазый иностранец рядом со мной. Он держал мою сумочку и шарф, которые я неосознанно уронила в вестибюле. Мне хотелось бы их вернуть обратно, но благоразумие велело держаться от него подальше.

— Арестуйте их, арестуйте их, — раздались громкие протесты возле вращающейся двери, и сикх подошел ближе.

— Простите, мисс. — Он схватил оказавшего мне помощь мужчину за лацканы пальто.

Все случилось так быстро: иностранец отскочил назад, уронив мою сумочку и шарф, и, не подозревая о лестнице позади себя, остутился, упал и скатился по ступенькам на тротуар. Полицейский-сикх бросился за ним, а эти гнусные мерзавцы, напавшие на меня, разразились хохотом.

Я поспешно подняла свои вещи и сбежала по ступенькам к своему «нэшу», припаркованному на улице. Только добежав до машины, я обернулась. Вдалеке, среди толпы мчащихся рикш, пешеходов в длинных одеждах и неспешно проезжавших черных автомобилей, недалеко от тела велосипедиста, громила полицейский-сикх заломил за спину руки иностранца, невинного человека, и повел его в сторону полицейского участка.

Глава 3

ЭРНЕСТ

Едва успев сойти с корабля и напрямиком в тюрьму — не такой представлял себе новую жизнь в Шанхае Эрнест Рейсмани. Он безуспешно пытался высвободиться из хватки громады полицейского, который, к сожалению, обладал недюжей силой. Он пробормотал что-то о том, что Эрнест сглупил, попавшись с хулиганами, его голос был на удивление мягким. Никаких расистских оскорблений или злобных угроз. Какое облегчение. Значит, в Шанхае его не посадили бы в тюрьму из-за его религии, но в этом новом городе, где Эрнест был решительно настроен строить свое будущее, он предпочел бы вообще не попадать за решетку.

Нужно было быстро что-то придумать. Они сворачивали на многолюдную улицу, где в многочисленных лавках продавались банки с солёными огурцами и пакеты с жареными каштанами и сушеными грибами, а прохожие в длинных одеждах, лавирующие между велосипедами, экипажами и одноколесными фургонами, толкали его из стороны в сторону.

— Сэр, а как они называются? — Эрнест кивнул головой в сторону тощего парня, который пробежал мимо них, таща за собой два шеста, прикрепленных к транспортному средству, похожому на детскую коляску. Его вопрос был своего рода отвлекающим маневром. Он уже видел такие перевозные средства раньше, водители которых обильно потели в то время, как их клиенты сидели, скрестив ноги с таким видом, будто это была самая прият-

ная поездка. Такой вид транспорта был, пожалуй, самым необычным из всех зрелищ Шанхая. Эрнест испытывал жалость к тягальщикам, людям-волам.

— Рикши. — Сикх повел его прочь. — Недавно в Шанхае? Нам сюда.

— Вы кажетесь хорошим человеком, сэр. Простите меня за это. — Он с силой пихнул сикха в грудь, вырвался и побежал прочь, миновав экипаж, ряд повозок с рикшами, а следом и еле плетущегося мужчину, который нес шест с двумя корзинами по бокам, в каждой из которых сидело по малышу. Позади Эрнеста раздался крик: преследовавший его сикх налетел на корзину, уронив детей на землю. Пробормотав извинения, Эрнест помчался мимо двухэтажного красного автобуса и метнулся в переулок позади здания в стиле ар-деко. Возле дома из красного кирпича он оглянулся назад, полицейского нигде не было видно.

Эрнест одернул пальто, провел пальцами по волосам — он потерял свою шляпу — и надел на изуродованную шрамами руку перчатку, которую снял ранее, чтобы поприветствовать менеджера отеля. Его не волновала мода, но перчатка была единственным аксессуаром, с которым он не мог расстаться. Без нее он часто чувствовал себя обнаженным на публике.

Обернувшись еще раз, чтобы убедиться, что за ним никто больше не гонится, он вошел в толпу прохожих. Первый опыт поиска работы оказался не очень удачным. Ерунда. Он должен попробовать снова.

Эрнест Рейсмани, бежавший из нацисткой Германии еврей, только несколько часов назад прибыл в Шанхай на итальянском океанском лайнере. После того, как его перевезли с пристани в жилой дом на Пешеходной набережной, являвшийся временным пристанищем для еврейских беженцев, Эрнест оставил свой чемодан на двухъярусной кровати со своей сестрой, Мириам, и, не став переодеваться, отправился на поиски работы.

Он не хотел терять время. Двадцать рейхсмарок, все, что ему позволили вывезти из Германии, были потрачены. Он собирался как можно быстрее найти работу, а затем поселиться в квартире, чтобы обеспечить Мириам крышей над головой.

Он сразу же направился в отель Сассуна, который располагался на оживленной набережной, где пришвартовался океанский лайнер. Эрнест слышал, что богатый британец проявил неслыханную щедрость, бесплатно выделив целый этаж своего жилого дома на Пешеходной набережной беженцам, чтобы они могли встать на ноги в этом чужом городе. Но Эрнесту не удалось встретиться с этим человеком, только с менеджером отеля, который пристально посмотрел на него сквозь очки и заявил, что они не нанимают. Испытав разочарование, Эрнест двинулся через вестибюль к выходу, когда заметил, как эти мерзавцы швырнули в девушку бутылками. Он бросился на помощь, воспоминания о погромах, боли и насилии были еще свежи в его памяти.

Он никогда не встречал китайянок в Берлине. Сегодняшняя девушка была обворожительным, прекрасным созданием. У нее было овальное лицо, безупречная бледная кожа, выразительные черные глаза, маленький носик и красные губы. Короткие волосы достигали плеч, а ровно подстриженная и тщательно уложенная челка обрамляла лицо. Похоже, она была его ровесницей, но ее манеры отличались утонченностью и сдержанностью, граничившей с замкнутостью.

Он всем сердцем надеялся, что увидит ее снова.

Почувствовав внезапное одушевление, Эрнест оглянулся по сторонам. Он стоял перед пятиэтажным зданием в стиле ар-деко рядом с классическим зданием, украшенным статуей греческого бога и неоклассическим огромным домом, увенчанным куполом. А всего в нескольких футах возвышался отель Сассуна с зеленой пирамидой. Похоже, во время своего побега он снова вернулся в оживленный район набережной. Эрнест двинулся вперед, внимательно рассматривая надписи на зданиях на французском, датском, итальянском и английском языках. Здесь располагались международные банки, американские компании по продаже алкоголя, британские табачные синдикаты и датские телеграфные фирмы. Некоторые компании вывесили на стены звезду Давида. Он улыбнулся, вспомнив, как пассажиры на океанском лайнере рассказывали о евреях, которые прибыли в Шанхай, чтобы разбогатеть, еще в одна тысяча восемьсот сорок третьем году, после того

как Британия разгромила китайскую династию Цин по время первой Опиумной войны. А когда в России вспыхнула большевистская революция, многие русские евреи бежали в Шанхай, опасаясь преследований.

Тот факт, что его собратья добились успеха в Шанхае, придал ему еще большей уверенности. Несомненно, он смог бы здесь заработать себе на жизнь. Безусловно, не обошлось и без затруднений: он не понимал языка, никого не знал в Шанхае, а также не имел опыта в банковском или инженерном деле, хлебопечении или торговле. Он любил фотографию и фортепиано, но фотография была его хобби, и несколько лет назад он отказался от игры на фортепиано. Но Эрнесту было всего девятнадцать, и он был готов на все, чтобы выжить.

Он решил попытать удачу в цирюльне позади здания с греческим богом. На двери висела надпись на русском языке, а на окне красовался выцветший плакат с изображением Рош Ха-Шаны — его народ, хотя бы. Эрнест вошел внутрь. В помещении было пять пустых стульев, и усатый цирюльник средних лет, державший метлу, как топор, сердито посмотрел на него. Прежде чем Эрнест успел что-либо спросить, цирюльник закричал:

— Убирайся из моей цирюльни.

Ошеломленный Эрнест попятился назад, следом донеслось едва уловимое ворчание:

— Беженцы. Крысы!

Как только его не называли, но это было что-то новенькое. Эрнест пожал плечами и пошел дальше в поисках работы. Он заходил в лавку за лавкой, предлагая свои услуги в качестве клерка русскому владельцу скобяной лавки, грузчика французскому бизнесмену в магазине кожи и меха, а потом посудомойщика, полировщика инвентаря, обжарщика рыбы или кого угодно. Никто не хотел нанимать его. Он покидал лавки с опущенной головой. Эрнест был вынужден уехать из своего дома, потому что был евреем, и вот после того, как пересек океан и оказался на чужбине, его снова прогоняли за то, что он беженец.